

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. В. МАРЕТИН

ОТМИРАНИЕ ПЕРЕЖИТКОВ МАТЕРИНСКОГО РОДА В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ МИНАНГКАБАУ

(Первая половина XX века)

Минангкабау — одна из крупных народностей Индонезии, населяющая западную и центральную Суматру, а также ряд других районов в Индонезии и за ее пределами. Основная область расселения минангкабау — высокое Падангское нагорье, расположенное у западного побережья центральной Суматры. Главное занятие их — земледелие. Техника возделывания искусственно орошаемых полей для посадок риса была известна минангкабау еще в первых веках нашей эры. Помимо риса, они выращивают кокосовую пальму, мускатный и земляной орех, ряд огородных культур. С начала XX в. большое место в сельском хозяйстве минангкабау заняли культуры кофе, каучука и масличной пальмы. Важную роль в хозяйстве играет животноводство, главным образом разведение буйволов и быков. Высокого развития достигли у минангкабау ремесла — обработка золота, серебра и меди, выделка парчи и хлопчатобумажных тканей, обработка дерева. Изделия мастеров-минангкабау, особенно оружие, парча, резное дерево, известны по всей Индонезии.

Минангкабау представляют особый интерес для этнографа ввиду того, что до начала нашего столетия эта народность сохраняла сильнейшие остатки материнско-родовой организации: большие материнские семьи, насчитывавшие до ста и более человек и ведущие происхождение от одной реальной прародительницы; матрилинейность в наследовании имени и имущества; главенство старшего брата старейшей женщины большой материнской семьи в решении дел этой семьи; высокое общественное положение женщины; браки, при которых ни один из супругов не прерывал связи с материнской семьей; расселение по родовому признаку; родовая экзогамия и т. д. Эти остатки материнского рода стойко сохранялись в условиях высокого развития производительных сил и материальной культуры (более высокого, например, чем у северных соседей минангкабау — батаков, сохранявших пережитки отцовского рода с ярко выраженной патрилинейностью) и даже в условиях классового общества — княжества Минангкабау (приблизительно с XIII в. н. э.)¹.

Неудивительно, что материал по минангкабау очень часто привлекается в работах, посвященных общим проблемам первобытно-общинного строя. Полностью признавая значение этого материала для изучения ранних форм социальной организации, следует отметить, что он уже не отражает современного состояния общества минангкабау. Между тем в лите-

¹ По вопросу о возможных причинах сохранения остатков материнского рода в высокоразвитых обществах, в том числе и у минангкабау, см. С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 329, прим. 1.

ратуре — и прежде всего в специальной этнографической литературе — минангкабау часто говорится как о народе, едва ли не до настоящего времени сохраняющем некий идиллический матриархат. Это характерно не только для работ, изданных в конце прошлого или начале нашего века, но и для трудов, опубликованных в 1920—1940-х годах, в том числе и для тех из них, которые специально посвящены минангкабау². Так Форан в 1936 г. писал «Древнейший институт матриархата обнаруживается сегодня в наиболее чистой форме у малайцев минангкабау, и они очень горды этим... Семейное право у минангкабау и скл о н и т е л ь н о м а т е р и н с к о е...»³. Если сравнить это высказывание с материалами Марсдена, первое издание книги которого вышло в последней четверти XVIII в.⁴, то может показаться, что за 150 лет общество минангкабау несколько не изменилось, хотя в действительности этот период был знаменателен значительными событиями, вызвавшими крупные изменения в социальной структуре этого народа. Архаизация общества минангкабау в XX в. в значительной мере связана с тем, что большинство иностранных (не голландских) ученых пользовалось главным образом материалами XIX в. Наиболее авторитетными источниками сведений о жизни и быте минангкабау для многих более поздних авторов были статьи Феркерка Писториуса, опубликованные в 1869—1871 гг. и использованные Бахофеном в его «Антикварных письмах»⁵, а затем работы известного голландского этнографа Вилкена, писавшего в 70—начале 90-х годов прошлого века⁶. В основном именно материалы Феркерка Писториуса и Вилкена, пройдя через вторые и третьи руки, послужили отправным пунктом для работ других авторов, посвященных минангкабау, а также вошли в труды по общей этнографии. Характерно это и для работ Эдвина Яуба о минангкабау⁷.

Положение, сложившееся в изучении минангкабау, объясняется несколькими причинами. Это, во-первых, недостаток новых материалов и трудность ознакомления с теми публикациями, которые время от времени появлялись. Новые работы выходили на нераспространенном в научных кругах голландском языке, крайне незначительными тиражами и в малодоступных изданиях. К числу работ, освещающих изменения, происшедшие в обществе минангкабау в течение первой половины XX в., принадлежат: монография Яустра «Минангкабау»⁸; очень ценная, насы-

² O. J. A. Collet, *Terres et peuples de Sumatra*, Amsterdam, 1925; I. Lublinski, *Minangkabau*, «Zeitschrift für Ethnologie», 1927, 59. Jahrgang, Heft 1/2; G. A. de C. de Moubray, *Matriarchy in the Malay Peninsula and Neighbouring Countries*, London, 1931. W. R. Foran, *La vie en Malaisie*, Paris, 1936. F.-C. Cole, *The Peoples of Malaysia*, 2-е изд., New York, 1945; Известная архаизация общества минангкабау и преувеличенная оценка роли женщин в нем имеются и у некоторых советских авторов. См., например: М. О. Косвен, *Очерки истории первобытной культуры*, М., 1957, стр. 125; его же, *Матриархат*, «Революция права», 1929, № 6, стр. 73—76.

³ W. R. Foran, *Указ. раб.*, стр. 191—192. *Разрядка моя.*— Ю. М. Сп. Л. С. Westenk, *De Minangkabausche nagari, Weltevreden*, 1918, стр. 37.

⁴ W. Marsden, *The History of Sumatra*, 3-е изд., London, 1811.

⁵ A. W. P. Verkerk Pistorius, *Studiën over de inlandsche huishouding in de Padangsche Bovenlanden*, «Tijdschrift van Nederl. Indië...», Serie 3, Jaargang 3, Sept. 1869 (отдельно вышло в 1871 г.). J. J. Bachofen, *Antiquarische Briefe*, 2 Bände, Strasburg, 1880—1886.

⁶ См. его работы: «Over de verwantschap en huwelijks en erfrecht bij de volken van het Maleische ras»; «De verbreiding van het matriarchaat op Sumatra» и др. в издании: G. A. Wilken, *Verspreide geschriften*, тт. I—IV, Semarang (и др.), 1912.

⁷ E. M. Loeb, *Patrilineal and Matrilineal Organisation in Sumatra*, II. *The Minangkabau*, «*American Anthropologist*», XXXVI, 1934, № 1; его же, *Sumatra, Its History and People*, Wien, 1935.

⁸ M. Joustra, *Minangkabau*, 2-е изд. s'Gravenhage, 1923. Приводя много интересных сведений о новых явлениях в экономической жизни на Западном побережье Суматры, автор почти не затрагивает вопросов социальной перестройки общества минангкабау. В еще большей мере это относится к другой работе Яустра—«*De Minangkabausche Maleiers*», опубликованной в книге; «*De volken van Nederlandsch Indië*». Onder leiding van Prof. J. C. van Eerde, т. 1. Amsterdam 1920.

ценная обширным новым материалом работа Схрике «Распространение коммунизма на Западном побережье Суматры»⁹, опубликованная в 1928 г. в материалах специальной правительственной комиссии по исследованию положения на Западном побережье Суматры¹⁰, диссертация Гейта «Заклад земли у минангкабау»¹¹; исследование Баумана «Некоторые комментарии к развитию индонезийского национализма на Западном побережье Суматры»¹² и диссертация проф. де Йосселина де Йонга «Минангкабау и Негри-Сембилан»¹³.

Вторая причина — то обстоятельство, что голландские авторы, имевшие непосредственную возможность изучать экономику и быт минангкабау в XX в., будучи, как правило, правительственными чиновниками, были заинтересованы в сохранении у минангкабау традиционной системы¹⁴. На практике голландские администраторы предвосхитили установки английской функциональной школы. Они кодифицировали местные адаты в целях приспособления их к нуждам колониального управления. Эта тенденциозность отразилась и на освещении положения отдельных обществ.

Наконец, в-третьих, это то, что некоторые авторы подходили к изучению минангкабау, имея уже предвзятое мнение об их социальном строе. Большесемейный дом и матрилинейность заслонили от наблюдателей те процессы, которые происходили в обществе минангкабау в последние 100 лет, причем особенно бурно в первые десятилетия нашего века. Внимание авторов, занимавшихся минангкабау, было обращено на описание такой семьи, где господствуют женщины и где мужчины имеют лишь право на ночные визиты к своим супругам. Именно поэтому факты, которые мы встречаем уже в работах XIX в. (например, у Вилкена), свидетельствующие о разложении материнскоправовых институтов минангкабау прежде всего в окраинных районах, а затем и на самом Падангском нагорье, не привлекли должного внимания ученых.

В тех немногих работах европейских и индонезийских авторов, в которых в той или иной степени затрагивается проблема разложения традиционного обычного права или, если взять термин, употребляемый минангкабау, — адата, основная роль в формировании нового социального уклада у этой народности приписывается явлениям идеологического порядка. Разложение материнскоправовых институтов, согласно подобной трактовке, — это результат главным образом борьбы сторонников исламского права за последовательное введение исламских норм. В этом плане

⁹ В. J. O. Schrieke, *Het communisme ter Sumatra's Westkust, Weltevreden*, 1928. Эта работа была переведена на английский язык и вошла в издание: R. J. O. Schrieke, *Indonesian Sociological Studies*, The Hague, 1955, стр. 83—116 (в дальнейшем цит. по этому изданию).

¹⁰ Комиссия начала свою работу в 1927 г., вскоре после восстания минангкабау, вызванного колониальным и классовым гнетом, — восстания, являющегося одним из самых крупных выступлений народов Индонезии в новейшее время. Материалы комиссии опубликованы в издании: «Rapport van de Commissie van onderzoek ingesteld bij het Gouvernementsbesluit van 13 Februari 1927», № 1a, Weltevreden, s'Gravenhage 1928, d. I—IV.

¹¹ H. Guyt, *Grondverpanding in Minangkabau (Diss.)*, Bandoeng, 1936.

¹² H. Bouman, *Eenige beschouwingen over de ontwikkeling van het indonesisch nationalisme op Sumatra's Westkust*, Groningen — Batavia, 1949.

¹³ P. E. de Josselin de Jong, *Minangkabau and Negri-Sembilan (Diss.)*. Leiden, 1951. Основное внимание в работе уделено теоретическим проблемам, связанным с социальной структурой минангкабау; изменения в этой структуре затронуты лишь вскользь. Приношу проф. де Йосселину де Йонгу глубокую благодарность за предоставленную мне возможность ознакомиться с его диссертацией. Пользуюсь также случаем, чтобы выразить свою особую признательность профессору Амстердамского университета В. Вертхайму за любезное содействие в получении необходимых материалов.

¹⁴ G. D. Willinck, *Het rechtsleven bij de Minangkabausche Maleiërs*, Leiden, 1909; L. C. Westenenk, Указ. раб.; C. van Vollenhoven, *Het adatrecht in Nederl. Indië*. 2-е изд., т. I, Leiden, 1931, стр. 246—272.

написаны работы Б. тер Хаара¹⁵, уже упомянутого Баумана, Принса¹⁶ и других. Вот что говорил, например, известный голландский востоковед Снаук Хюргронье в статье, написанной еще в 1893 г., в которой он предсказывал неизбежную гибель материнского права у минангкабау: «То, что население Западного побережья Суматры и его старейшины искренне исповедуют ислам, непоколебимо, и этим определяется будущее развитие малайской семьи»¹⁷. Однако не ислам нанес решительный удар этой системе, а в первую очередь экономическое развитие общества. Ислам в течение столетий не мог подорвать матрилинейный характер социальной организации у минангкабау; изменившиеся экономические условия сделали это в несколько десятилетий.

Цель настоящей статьи показать изменение семейно-брачных отношений минангкабау, происходившее начиная с конца XIX в. под воздействием внутренних причин, прежде всего экономического характера, а также в результате внешних влияний. Основное внимание уделяется собственно области Минангкабау, т. е. Падангскому нагорью и близлежащим районам; для сравнения привлекается материал, рисующий положение в более отдаленных районах, заселенных минангкабау.

* *
*

Социальная структура минангкабау Падангского нагорья и некоторые близлежащих районов к началу XX в., т. е. ко времени резкого изменения традиционного уклада жизни, представляется в следующем виде. Все население принадлежало к одному из четырех суку («четверть»; «части» «часть племени») — разросшемуся первоначальному роду. Каждый суку имел свое название: Боди, Чаниаго, Кото, Пилианг. Суку объединялись в две группы — ларас («полнота», «согласие», «союз»), которые можно назвать фратриями. Эти ларас именовались Боди-Чаниаго и Кото-Пилианг и отличались рядом особенностей своего адата. Территориально суку в настоящее время сильно перемешаны, так что представители одного суку рассеяны по всей области и за ее пределами; точно так же трудно установить точные границы расселения двух ларас. Но в каждом поселении (кото) члены одного суку занимали особый квартал, называемый кумпулан румах («группа домов»). Прежде суку были строго экзогамны, что единодушно подчеркивается всеми авторами.

Одно или несколько поселений (кото) с относящимися к ним выселками, с земельными и лесными угодьями образовывали нагари (иногда негери, или негари — автономную деревенскую общину, во главе которой стоял совет старейшин, состоящий из старейшин всех суку и подразделений суку, представленных в данной нагари. Община — нагари являлась верховным собственником земли, которая распределялась между суку, а затем внутри суку между его подразделениями. Практически права суку и кампуэнга на землю имели мало значения, и основным владельцем земли была большая семья.

Рост населения заставлял суку делиться на новые экзогамные подразделения, именуемые кампуэнг. Кампуэнг минангкабау — это генеалогическая, а не территориальная единица, хотя иногда этот термин встречается в качестве названия деревни (малайское кампунг). Члены многих (далеко не всех) кампуэнгов хранили в памяти имя своей праматери, тогда как члены суку уже утратили всякое воспоминание о своей реальной родоначальнице. Число кампуэнгов, по данным различных источников

¹⁵ B. ter Haar. Adat Law in Indonesia (Transl. from Dutch), New York, 1948.

¹⁶ J. Prins, Adat en islamietische plichtenleer in Indonesia, 3-de uitgave, s'Gravenhage — Bandung, 1954.

¹⁷ «Advies van dr. G. Snouck Hurgronje aan den directeur van justitie», в сб. «Adatrechtbundel» (в дальнейшем цит. ARB), т. 1, 1911, стр. 31.

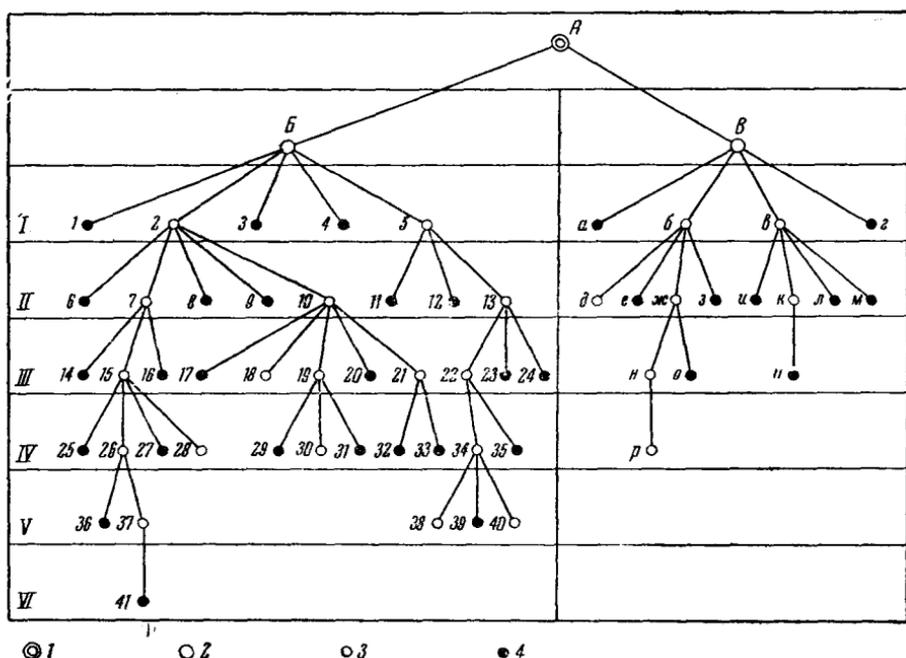

Схема сабуах пары: 1 — родоначальница всей сабуах пары (обычно — умершая задолго до рассматриваемого периода); 2 — родоначальницы обеих ветвей (джураи) сабуах пары; 3 — женщины; 4 — мужчины; I — VI — поколения обеих родоначальниц (Б, В); 1 — 40 — члены одной джураи; а — р — члены другой джураи; 26, 36, 37 — самандай

ков, было неодинаково. Вестененк считает, что в начале нашего века минангкабау делились на 96 кампуэнгов¹⁸.

Дальнейшим подразделением кампуэнга являлась сабуах паруй, или просто паруй (малайское перут), т. е. «происходящие из одного чрева». Это группа, насчитывавшая пять поколений родственников, происходивших от одной реальной прародительницы. Члены пары жили по соседству, занимая несколько, иногда один дом. Паруй была основной хозяйственной и правовой единицей общества минангкабау, ее можно назвать домовою общиной. В дальнейшем мы ее будем именовать большой материнской семьей. Паруй распадалась на несколько джураи («связка», «группа»), каждая из которых включала два-четыре поколения. Если джураи занимала более одного дома, то группу родственников, живущих в одном доме, называли румах («дом»). Наконец, последняя группа — это самандай («одной матери»), т. е. мать со своими детьми¹⁹.

Земля, принадлежавшая большой материнской семье, не могла быть отчуждена ни при каких условиях, передел же ее был возможен лишь в случае дробления сабуах пары. Продажа земли категорически запрещалась, допускался лишь заклад ее или сдача в аренду, но при наличии чрезвычайных обстоятельств (похороны члена семьи, свадьба первой дочери, вступление в должность пенгхулу — старейшины и некоторые другие). Во всех тех случаях, когда семья оказывалась в долгу,

¹⁸ L. C. Westenenk, *Het soekoe-wezen* (рукопись). Цит. по кн.: P. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 67. Различие в оценке числа кампуэнгов объясняется тем, что в ряде районов кампуэнги настолько разрослись, что носят уже названия суку и имеют внутри себя свои кампуэнги.

¹⁹ Следует помнить, что эти подразделения нельзя рассматривать в статике, ибо джураи, увеличившись на одно-два поколения, становится паруй и т. д. Кроме того, терминология в различных районах области не всегда совпадает, что вносит немалую путаницу и значительно затрудняет исследование.

этот долг должен был оплачиваться прежде всего за счет продажи собственности, приобретенной личным трудом, и лишь затем разрешалось прибегать к закладу семейной собственности. При этом всегда подразумевалась свобода обратного выкупа.

Минангкабау имели довольно сложную иерархию. Каждое подразделение имело своих глав: во главе сабуах паруи и джураи находились мамы, во главе суку и кампуэнга — пенгхулу. Мамаком обычно являлся старший брат старейшей женщины данной джураи; мамак старшей джураи был одновременно мамаком паруи; мамак старшей паруи являлся пенгхулу кампуэнга и т. д. Старейшины были представителями своей семьи при решении самых разнообразных вопросов как внешних, так и внутренних. Решения принимались обычно после обсуждения на семейном совете, в котором женщины играли весьма активную роль, особенно старейшая женщина семьи — индúa («мать»).

* *

*

Несомненная приверженность минангкабау к нормам своего обычного права объяснялась прежде всего изолированностью области, замедленным темпом экономического развития и политикой консервирования традиционных форм общественной жизни, которую проводили голландские власти. Как только изолированность была нарушена и область оказалась втянутой в интенсивные товарные отношения, а это произошло в начале нашего столетия, заколебались самые, казалось бы, незыблемые устои обычного права минангкабау, в том числе и нормы семейно-брачного права.

На экономическое развитие области Минангкабау большое влияние оказало начавшееся в последней четверти XIX в. проникновение голландского капитала: правительство и частные фирмы приступили здесь к разработке полезных ископаемых, возникли частные плантации и первые промышленные предприятия²⁰. В связи с развитием плантационного хозяйства и началом интенсивной эксплуатации полезных ископаемых, прежде всего угля, остро встал вопрос о строительстве дорог и о ликвидации вековой изолированности области Минангкабау. Было построено несколько железнодорожных веток. Началось также строительство автомобильных дорог. Установились связи с соседними областями, стала исчезать былая разобщенность, созданная, кстати, в значительной мере теми же голландцами. Продукция Падангского нагорья получила выход в те районы, куда ранее не имела доступа. Одновременно область Минангкабау оказалась открытой для ввоза иностранной продукции. Поток дешевых иностранных товаров тяжело отразился на местном ремесле, вызвав резкий упадок одних его отраслей и полное исчезновение других. Связанное главным образом только с внутренним рынком и поэтому не приспособленное к производству больших количеств дешевой продукции местное ремесло не могло выстоять перед иностранной конкуренцией²¹. Чрезвычайно большое влияние на социальную организацию минангкабау оказал переход населения к производству экспортных культур, среди которых особое место заняли каучуконосы. Даже такие культуры, как рис, земляной орех и некоторые другие, ранее бывшие предметом только внутреннего потребления, стали производить на продажу.

²⁰ Подробно об этом см.: А. Губер, Индонезия. Социально-экономические очерки, М.—Л., 1932, стр. 189, 194—198; M. Joustra, Minangkabau, стр. 190—199; J. A. Fowler, Netherlands East Indies and British Malaya, Washington, 1923, стр. 204.

²¹ См.: M. Joustra, Minangkabau, стр. 188—189; H. J. Boeke, The Evolution of the Netherlands Indian Economy, New York, 1946, стр. 123—125.

Неизмеримо возросла начиная с первого десятилетия XX в. роль денег в жизни минангкабау. Они постепенно стали проникать во все отрасли хозяйства. Прежде деньги были нужны в немногих случаях (например, починка обветшавшего семейного дома, выдача замуж дочери, похороны члена семьи, праздник по случаю утверждения в должности пенгхулу). Теперь деньги стали необходимы для уплаты многочисленных прямых и косвенных налогов и сборов, число которых с каждым годом возрастало²², для откупа от принудительного труда, оплаты займов и процентов по ссудам, покупки многих предметов первой необходимости, раньше изготовлявшихся на месте (одежда, обувь и т. д.), для покупки продовольствия, производство которого, вследствие перехода к разведению экспортных культур, сократилось. В 1927 г. денежная часть бюджета крестьянина-минангкабау составляла от 66 до 85% всего его бюджета, а у жителей городов Паданг, Париаман и других — почти 100%²³.

С проникновением иностранного капитала внутренние процессы, подрывавшие натуральное хозяйство минангкабау, значительно усилились. Участились случаи заклада семейных земель, резко ускорилось расслоение общины. Общинники, оказавшиеся без земли, шли на плантации в качестве сельскохозяйственных рабочих, вливались в ряды рабочих, занятых на железных дорогах или угольных разработках.

Наемный труд в сельском хозяйстве применялся уже не только на плантациях иностранцев или местной верхушки. К наемному труду прибегали теперь многие разбогатевшие крестьяне-общинники, при этом не только при выращивании экспортных культур, но и при обработке рисовых полей. Традиционная система взаимопомощи (толонг-менлонг) все более уступала место простому найму за фиксированную оплату.

К 1920-м годам у минангкабау появились первые представители собственной буржуазии — сначала торговой, а затем сельской и даже мелкой промышленной, связанной с небольшими предприятиями обрабатывающей промышленности. Вместе с формированием местной буржуазии начинается становление собственного пролетариата, в подавляющем своем большинстве — сельскохозяйственного. Процессы эти в первую очередь охватили окраинные районы области. Например, в округе Коринчи (южная часть области Минангкабау) в 1927 г. почти 20% взрослого мужского населения составляли сельскохозяйственные рабочие²⁴.

Таким образом, переход от полунатурального хозяйства к товарному, усиленное втягивание местного сельского хозяйства в орбиту мирового рынка, связанное с интенсивным внедрением экспортных культур, — все это вызвало глубокие изменения в социальной жизни минангкабау. Дальнейшее развитие их экономики поставило на повестку дня вопрос о распаде территориальной общины.

Оставляя вопросы, связанные с разложением общины и с начавшимся становлением капиталистического хозяйства для особой статьи, остановимся на изменениях в сфере семейно-брачных отношений.

* * *

*

Изменения устоев семейно-брачной жизни коснулись прежде всего родовой экзогамии — основного правила, управлявшего брачными отношениями минангкабау. С развитием товарно-денежных отношений и разложением большой семьи экзогамия более крупных генеалогических

²² К 1930 г. население Западного побережья Суматры платило более 20 различных видов налогов и сборов.

²³ См.: «Rapport van de Commissie...», т. 2, стр. 18.

²⁴ В. Schlegel, Указ. раб., стр. 104—105.

единиц стала быстро исчезать. Из сферы действия брачных запретов исключалось все большее число лиц. Естественно, что исчезновение экзогамии суку и кампуэнга предопределялось также значительным увеличением населения. Так, по переписи 1920 г. на Западном побережье Суматры проживало более 1400 тыс. минангкабау²⁵, а по переписи 1930 г. — 1800 тыс.²⁶.

Уже к концу прошлого столетия браки внутри кампуэнга, а тем более суку (но между разными паруй) стали обычным явлением²⁷. Можно было часто наблюдать, что в одном и том же районе члены одного кампуэнга соблюдают законы экзогамии, а члены другого — нет. Например, в Пангкаланкотабару кампуэнги Пилланг, Дóмо, Чаниаго экзогамны, тогда как Патáпанг, Малайю, Манделинг ограничиваются лишь экзогамией паруй²⁸. Обычно сначала один кампуэнг, выделившийся из суку, переставал быть экзогамным по отношению к своему суку, потом другой, пока, наконец, экзогамия данного суку не исчезала полностью, перейдя на кампуэнги, чтобы в дальнейшем ограничиться паруй. В центральных районах процесс отмирания экзогамии суку шел медленно: здесь еще в первой четверти нашего века нередки были случаи наказания за ее нарушение. Виллинк рассказывает об одном высокопоставленном шейхе из Манинджау, который должен был отказаться от своей жены, так как она принадлежала к одному с ним суку; не помогали и ссылки на то, что шариат — мусульманское право — нарушен не был²⁹. Этот эпизод имел место в начале нашего века. В настоящее время экзогамия суку почти полностью исчезла и в этих районах. Следить ее можно встретить, например, в Сулики, где браки между членами кампуэнгов Джáмба и Патáпанг, Гúчи и Пилианг запрещены, так как один суку включает, среди прочих, первые два кампуэнга, а второй — суку — также среди прочих — два другие³⁰. Но на большей части Ландангского нагорья основной экзогамной единицей является паруй. Браки внутри джураи, а тем более внутри фумах, запрещен. За нарушение экзогамии паруй виновные наказываются. Например, в 1918 г. суку нагари Танджунгбарулак (район Батипу) наложил на старейшину, женившегося на своей дальней племяннице, крупный штраф, лишил ее звания старейшины и расторг брак³¹. В 1922 г. в Батипубару адатный суд объявил вне закона (прежде это было равносильно приговору к смерти) старейшину и его жену, нарушивших экзогамию джураи, а также же мать и бабушку этой женщины, которые оказали ей содействие при вступлении в незаконный брак³². Аналогичные судебные разбирательства имели место в 1930-е и 1940-е годы, на что будет указано ниже³³.

Наиболее сильным изменениям подверглись экономически развитые окраинные районы, где к тому же значительная часть населения была пришлой из центральных районов области Минангкабау³⁴. Значительные изменения произошли и в тех районах центра области, где товарно-денежные отношения развивались наиболее быстро. Здесь брачные запреты, связанные с экзогамией суку или кампуэнга, исчезли к на

²⁵ «Indisch Verslag», 1933, стр. 34.

²⁶ «Indisch Verslag», 1937, стр. 15.

²⁷ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 60. См. также G. A. Wilker, De verbreiding van het matriarchaat op Sumatra, т. 2, стр. 182, прим. 68.

²⁸ G. D. Willinck, Указ. раб., стр. 431.

²⁹ Там же, стр. 434.

³⁰ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 60.

³¹ «Dorpsrechtspraak in familie-en erfrechtzaken (1918—1926)», ARB, XXXIII, 1927, стр. 148—149.

³² Там же, стр. 149—153.

³³ В силу ряда причин публикации, относящиеся к 1940—1950-м годам, к сожалению, крайне скудны.

³⁴ G. D. Willinck, Указ. раб., стр. 429—430.

стоящему времени полностью или почти полностью: экзогамны здесь лишь пары, но и то далеко не во всех случаях. Что касается городов и деревень прибрежной полосы (районы Пайнан, Паданг, Париаман), то там брачные запреты касаются только ближайших родственников, хотя население продолжает хранить память о принадлежности к тому или иному суку.

Большие изменения претерпели имущественные отношения в паре и сама структура этой большой материнской семьи. Уже так называемое «Адатное собрание», созданное в центре области городе Форт-де-Кок (ныне Букиттингги) в 1910 г., отметило ослабление неприкосновенности семейной собственности и традиционных для пары правил землевладения, начавшееся опустение больших домов, выделение малой семьи и изменение законов наследования³⁵. После 1910 г. интенсивное экономическое развитие области чрезвычайно ускорило эти процессы. Интересно, что даже работы, опубликованные консервативно настроенными авторами-минангкабау и призванные показать стойкость и сохранность адата, свидетельствуют о распаде большой материнской семьи и родовых отношений³⁶.

Остановимся на некоторых специфических особенностях, сопровождавших распад большой материнской семьи и формирование малой семьи. Распаду сабуах пары предшествовало ослабление кровнородственных связей между членами одного и того же суку. Во многих районах эти связи практически перестали иметь какое-нибудь значение. Ослабление и исчезновение родовых связей наблюдалось прежде всего в прибрежных и окраинных районах Западного побережья Суматры, таких, как Паданг, Париаман, Коринчи и др. Разумеется, значительная часть городского населения уже утратила связь со своим суку, поскольку никакой практической надобности в этих связях не было.

Ослабление кровнородственных связей захватило и пары. Большую роль в распаде пары сыграли отходничество и эмиграция. «Едва ли можно найти хотя бы один народ на архипелаге,— писал Яуэстра о минангкабау,— из среды которого столь много мужчин уходило бы на чужбину»³⁷. Первоначально основными причинами эмиграции служили недостаток земель в центральных районах области при непрерывном росте населения и консерватизм семейной системы, не дававшей простора личной инициативе. Это сочеталось с голландской системой принудительных культур и принудительного труда, крайне обременительной для населения. С начала XX в., в связи с ростом расслоения крестьянства, его обезземеливанием и обнищанием, вызванными проникновением капиталистических отношений, отходничество резко усилилось. К 1925 г. уход мужчин по некоторым округам достиг четверти всего проживавшего там мужского населения³⁸. Многие из ушедших, которых называли манчари («ищущие»), постепенно теряли связь со своей родиной и оседали на новых местах, где обзаводились семьей. Хотя за пределами родины минангкабау предпочитали селиться небольшими колониями, все же неизбежно происходило смешение с местным населением, в ходе которого минангкабау утрачивали специфические черты своего обычного права. Яуэстра даже считает, что у минангкабау, живущих за пределами своей родины, не остается ничего, кроме памяти

³⁵ «Verslag van een vergadering over herziening van het adatrecht te Fort de Kock», ARB, VI, 1913, стр. 207—220.

³⁶ I. Gelar Datoek Sangguno Diradjo, Kitab Tjoerai Paparan «Adat Lembaga» Alam Minangkabau, Fort de Kock, 1919; его же, Kitab Peratoeran Hoekoem Adat Alam Minangkabau, Fort de Kock, 1924; его же, Mustiko Adat Alam Minangkabau, Djakarta, 1955 (две первые работы знакомы нам по ссылкам); A. S. Ramontjak, Pertemuan, Batavia, 1927 (знакома по ссылкам), и др.

³⁷ M. Loustra, De Minangkabausche Maleiers, стр. 158.

³⁸ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 101.

о своем происхождении³⁹. Это вполне справедливо, хотя и не для мест, где минангкабау живут крупными компактными массивами. В таких местах (например, в Негри-Сембилане на Малакке) традиции минангкабау сохраняются значительно прочнее.

Но были другие, гораздо более глубокие, чем отходничество, причины, которые вели к ослаблению связей, объединяющих большую материнскую семью. Постепенно изменялся взгляд на неразрывность и связывающих воедино всех членов данной пары вне зависимости от того, где они проживают. Право ушедших членов пары (например манчари) на семейное имущество уже не всегда принималось во внимание. Появился новый критерий в оценке права того или иного члена пары на семейное имущество — критерий труда. На продукты, полученные с семейного поля, мог рассчитывать только тот, кто там работал. Любой, даже самый близкий кровный родственник мог быть лишь доли в урожае, если он не принимал участия в посеве, уходе за урожаем и сборе его. В этом ярко видна тенденция к ограничению круга имеющих право пользования продуктами семейной земли, которые теперь стали товаром, рыночной ценностью.

Примечательной чертой было почти полное исчезновение обычая кровной мести. И дело тут не столько в голландском законодательстве запрещавшем кровную месть, сколько в том, что за проступки одного из своих членов пары уже больше не несло ответственности. Другой характерной чертой было падение роли *рапе' каум* — совета большой семьи. Раньше ни одно дело, затрагивавшее интересы большой семьи не могло быть решено без семейного совета, состоявшего из всех взрослых членов пары или джурай, мнение которых выражал *мама*, причем для принятия решения требовалось единство всех членов пары (возражение хотя бы одного из них делало принятие решения невозможным). Теперь это требование почти не соблюдалось⁴⁰. С ослаблением связей внутри пары, с выделением отдельных семей, с обогащением отдельных *мамаков* роль *рапе' каум* все уменьшалась. Решения того или иного вопроса теперь достаточно было простого большинства голосов. Очень часто решение принимал только *мамак*, став затем всю семью перед совершившимся фактом. Впрочем, нередко *мамак*, особенно разбогатевший (например, за счет разведения экспортных культур), единовластно вершил дела пары (или джурай), даже не ставя никого в известность о принятых им решениях.

Проникновение товарно-денежных отношений способствовало дальнейшему разрушению традиций, согласно которым осуществлялось управление большой материнской семьей. Раньше женщины в роли *мамаков* встречались лишь как исключение. Многие авторы, имевшие возможность ознакомиться с социальной структурой минангкабау, отмечают, что *мамаком* мог быть только мужчина и женщина в качестве такового встречалась лишь там, где все мужчины, имевшие право на этот пост, находились в отсутствии или таковых вообще не было⁴¹. В новых условиях ввиду того, что значительная часть мужчин оказалась вовлеченной в ту или иную деятельность, связанную с длительным отсутствием (причем часто это были именно *мамаки* или те мужчины, которые имели право быть *мамаками*), встречались женщины, игравшие роль *мамаков*. Процесс этот нашел отражение в переписи 1930 г.⁴²

Процесс распада семейного имущества, называвшегося *харто пусай* («неотчуждаемое наследственное имущество»), коснулся всех его

³⁹ M. Joustra, Minangkabau, стр. 208.

⁴⁰ Там же, стр. 127. Это особенно характерно для приморских районов (там же стр. 132).

⁴¹ См. V. E. Korn, De vrouwelijke mama' in de Minangkabausche familie, «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde...», т. 100, 1941, стр. 305—306.

⁴² «Volkstelling», т. IV, 1930, стр. 64 и сл.

дов, включая семейные земли. Рост потребности в деньгах заставлял прибегать к закладу основной собственности большой материнской семьи — ее земли. Прежде заклад земли совершался мамаком с согласия всех взрослых членов данной семьи после оживленного обсуждения, в котором немаловажную роль играли женщины. Теперь мамыки очень часто совершали заклад земли, не уведомляя об этом остальных членов семьи. С другой стороны, рядовые общинники, нуждавшиеся в деньгах, также закладывали находившуюся в их пользовании часть семейной земли. Поскольку все большее число общинников оказывалось в затруднительном положении, размеры семейных земель неуклонно сокращались. Постепенно заклад земли вошел в жизнь населения, приводя к обезземеливанию одной части общинников и к концентрации земли в руках старейшин, глав семей, отдельных зажиточных общинников. Пока это еще не было полным отчуждением, так как вплоть до настоящего времени в центральных районах области земля рассматривается как собственность пары. Но практически заклад земли часто означал передачу ее в бессрочное пользование. Земли же, не полученные по наследству, а приобретенные иным образом, уже в 1930-е годы можно было продавать. Раздробление семейного имущества все чаще имел место, а права лиц, получавших эту собственность, становились шире, пока, наконец, отдельное лицо не превращалось из совладельца (сопользователя) в полного собственника. Особенно быстро и заметно процесс ослабления семейных связей происходил в районах, экономически наиболее развитых, где заклад семейных земель стал обычным явлением и где встречались случаи продажи таких земель⁴³.

Интересно отметить, что в закладе земель теперь иногда принимали участие и женщины — эти ревностные хранительницы имущества большой материнской семьи, которых пословица минангкабау называла «прочным замком имущества пусако»⁴⁴. В материалах сельских судов (ландраадов) за 1930-е годы (за последующие годы публикации отсутствуют) имеется достаточное число примеров заклада земли женщинами, разумеется, при участии мамака⁴⁵. Но это отнюдь не означало, что положение женщин стало более независимым, что они получили большую самостоятельность и т. д. Наоборот, женщины лишались того высокого положения, которое они имели в паре, являясь хранительницами семейного имущества. В формирующихся малых семьях их права были значительно меньше, так как эти семьи строились по законам ислама с его резко выраженным отцовским правом.

Изменения в отношениях между членами пары не ограничивались лишь стремлением части их к захвату семейного имущества. Старейшины всех рангов пытались не только закрепить за собой земли общинников, но и закабалить их самих⁴⁶. Одним из основных путей к этому было ростовничество. Схрике отмечал в 1928 г.: «Там, где пенгхулу все еще самостоятельны благодаря тому, что они владеют большой семейной собственностью, они часто пытаются усилить свой собственный престиж и привязать деревенских жителей к себе, держа их постоянно в долгу»⁴⁷.

⁴³ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 125. Подробно об этом см. упомянутую диссертацию Гейта «Заклад земли у минангкабау».

⁴⁴ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 121. По адату, женщины были полностью лишены права делать займы, давать поручительство, а тем более отдавать землю в заклад, хотя они принимали живое участие в обсуждении вопросов, связанных с подобными мероприятиями (См.: G. D. Willinck, Указ. раб., стр. 392, 403, 601 и др.).

⁴⁵ V. E. Kogn, Указ. раб., стр. 320.

⁴⁶ Процессы феодализации, захватившие районы, лежащие на восток и северо-восток от Падангского нагорья, описывает Г. Кунов (см. его книгу «Всеобщая история хозяйства», т. I, М.—Л., 1929, стр. 413—418).

⁴⁷ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 140.

Прежде в большинстве районов области Минангкабау считалось обязательным выделение определенной части урожая в семейный бар — лумбунг. В Солоке, например, две трети урожая распределялись среди членов семьи, а одна треть передавалась в семейный амбунг. В условиях перехода к возделыванию экспортных культур и с нашим распадом семейных земель этот обычай постепенно перестал быть обязательным⁴⁸. Однако распад имущества пары не был единственным актом. Даже в развитых районах нередко были случаи, когда например, «мелкие торговцы, получавшие свой оборотный капитал из семейных фондов, должны были давать детальный отчет о своих делах раз в год во время возвращения домой на месяц поста»⁴⁹.

Чрезвычайно характерной чертой для описываемого периода было постепенное запустение больших, или адатных, домов, так называемых румах-гаданг. Старые адатные дома, в которых жили часто до 100 человек, т. е. ветвь большой материнской семьи — джураи, постепенно заменялись небольшими домами для одной семьи. В конце 19-х годов строительство новых адатных домов стало редкостью. Они уже соответствовали новым формам хозяйственной деятельности. Более того, существующие адатные дома пустели. Впрочем, традиция была достаточно сильна, о чем можно судить по тому факту, что и в наши дни некоторые из адатных домов обитаемы. В статье, помещенной в журнале «Индонезия» за 1955 г., говорится: «Вне городов население все еще не считает уничтоженными свои адатные дома. Адатные дома сохраняют свое значение и, конечно, сохраняют его до тех пор, пока селение не откажется от своего адата»⁵⁰. Несколько таких особенно крупных адатных домов сохранилось в Сүлитайр (Солок); самый большой из них насчитывает 20 помещений⁵¹. В центральных районах области Минангкабау их можно встретить в каждой нагари. Даже опустевшие адатные дома еще содержатся в порядке, за ними следят и стараются своевременно ремонтировать. Этим занимаются члены семьи некогда жившие в данном доме, а теперь имеющие свои дома по соседству. Адатный дом служит напоминанием об их генеалогическом единстве, будучи своеобразным семейным музеем. Однако, как правило, в сохранившихся адатных домах живет уже не вся пара, а ее оставшаяся часть. Обычным типом жилища к концу 1920-х годов стал односемейный или дом для нескольких семей, но не для большой материнской семьи.

Традиционные нормы заключения брака также претерпели большие изменения. Раньше предложение о заключении брака исходило из семьи девушки, причем выдача ее замуж всегда была делом ее материнской семьи, что являлось одним из основных брачных законов. Теперь же роль отца стала более решительно вмешиваться в вопросы замужества. Нередки случаи столкновения между мамаком — представителем группы матери и вали⁵² — представителем группы отца⁵³.

Брак все менее считался делом, в котором были замешаны интересы всей пары. Стало правилом (особенно в окраинных районах), что мужчина сам выбирал себе жену. Часто он даже не спрашивал разрешения на брак у главы пары или джураи. Со своей стороны,

⁴⁸ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 125.

⁴⁹ Там же, стр. 141.

⁵⁰ «Indonesia», v. 1, № 4, 1955, стр. 45.

⁵¹ В. Schrieke, Указ. раб., стр. 117. Любопытно, что голландские власти стремились сохранить адатные дома. Например, в округе Форт ван-дер-Капеллен муниципальный контролер всеми мерами поощрял строительство новых и восстановление старых адатных домов, прибегая при этом даже к мерам принудительного характера (там же, стр. 114).

⁵² Вали — либо отец девушки, либо отец ее отца, либо кто-нибудь из мужских родственников ее отца. Об их роли см.: G. D. Willink, Указ. раб., стр. 489—490.

⁵³ J. Prins, Указ. раб., стр. 42.

мак уже не всегда решался напоминать об этом; точно так же мамы все реже требовали причитавшийся им, по обычаю, от брачной пары подарок. До этого наблюдалось уменьшение размеров такого подарка: в Сулики, например, он стал символическим, снизившись до половины цента.

Молодое поколение стремилось выйти за рамки предпочтительного брака на дочери брата матери⁵⁴, старалось преодолеть жесткие правила экзогамии суку, кампуэнга и даже паруй⁵⁵.

Конечно, все это происходило не без борьбы, которая далеко не окончена и по сей час. Тема о влюбленных, брак которых был расстроен родителями, имеющими в виду иную партию для своих детей, или о несчастных браках, заключенных без любви,— богато представлена в литературе минангкабау 1920—1930-х годов⁵⁶. В центральных районах области Минангкабау, например вокруг озера Сингкар, инициатива в браке по-прежнему сохраняется, как правило, за семьей невесты, хотя и здесь встречаются случаи, когда эта инициатива исходит от семьи жениха. Сам жених или невеста имеют здесь еще очень малую свободу выбора. Писатель-минангкабау Раджаб рассказывает: «Кто его невеста, ему (т. е. жениху.— Ю. М.) по большей части не известно, или же он с нею не знаком; обычно это не та девушка, о которой он подумывал, как о будущей жене»⁵⁷.

По законам адата минангкабау, нагари была эндогамной единицей: браки заключались между жителями одной нагари. Особенно строго это правило соблюдалось по отношению к женщинам. Девушка, вышедшая замуж в другую нагари, теряла все право на имущество — пусако и исключалась из семьи. За это правило держались все главы семей (мамаки джурай и паруй), а также старейшины кампуэнга или суку, ибо нарушение его повело бы к разрушению традиционной системы владения имуществом и передачи его по наследству внутри данной генеалогической общности, что было бы невыгодно мамаку или пенгхулу. На брак женщины с чужеземцем (каковым был всякий мужчина, не принадлежавший к данной нагари) смотрели как на серьезное нарушение обычая. Например, на суде, состоявшемся в нагари Котогаданг 23 апреля 1920 г. «Совет нагари» изгнал из общины и лишил всех прав женщину за то, что она вышла замуж за яванца⁵⁸. Интересно подчеркнуть, что эта женщина уже не жила в своей нагари, а служила, как и ее муж, на почте в Медане (Северная Суматра). В начале 1930-х годов другая женщина той же нагари вышла замуж за чиновника, служившего в Палембанге. Ее семья порвала с ней всякую связь⁵⁹. О конфликте, возникшем из-за того, что молодой минангкабау, ушедший искать счастья на Западную Яву, вернулся с женой-сунданкой, рассказывает опубликованный в 1932 г. роман Искандара «Карена ментуа»⁶⁰.

Естественно, что вопрос об отмене эндогамии нагари стал предметом горячих споров. Против эндогамии выступили сами женщины. В 1924 г. после приведенного выше случая в нагари Котогаданг женщины этой нагари обратились в Карапатан адат (Совет адата) с заявлением о том, что правило о браках только внутри данной нагари не распространяет-

⁵⁴ См.: P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 117.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ G. W. E. Drewes, Oud en nieuw in de hedendagsche Indonesische Letterkunde, «De Gibs», 1932, № 9 (особо стр. 331); G. Spat, Moderne Maleische Litteratuur, «Koloniaal Tijdschrift», № 3 (особо стр. 123); J. Gonda Maleische Romans, «Koloniaal Tijdschrift», 1934, № 1 (особо стр. 280); M. Radjab, Semasa ketjil di kampung (1913—1928). Autobiografi seorang anak Minangkabau, Djakarta, 1950 (особо стр. 263).

⁵⁷ M. Radjab, Указ. раб., стр. 263.

⁵⁸ ARB, XX, 1922, стр. 143—146.

⁵⁹ J. Prins, Указ. раб., стр. 45.

⁶⁰ N. S. Iskandar, Karena mentua, Batavia, 1932, Цит. по кн.: P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 117.

ся на мужчин и, следовательно, является односторонним, ущемляющим права женщин⁶¹. Женщины просили разрешения выходить замуж в своей нагари, а также права на браки внутри своего суку. В своем обращении женщины указывали, что брак, вызвавший столь суровое решение Совета нагари, был совершен по всем законам мусульманских прав. Однако лишь в 1935 г. старейшины Котогаданга приняли решение об отмене запрета на брак с мужчинами другой нагари. Впрочем, принятие такого решения не означало еще, что женщина получила полную свободу в выборе мужа⁶².

Приведенные примеры показывают, какой сложной и длительной была борьба за уничтожение отживших норм материнского права в семейно-брачных отношениях минангкабау. Однако стремление к освобождению как мужчин, так и женщин от власти большой материнской семьи становилось общей тенденцией. При этом освобождение женщины понималось в самом широком смысле. Так, в одном из номеров газеты «Молодая Суматра» за 1919 г. появилась статья, где говорилось, что «глубоко горю, которое женщина носит в себе», может быть уничтожено, «когда мужчина будет видеть в женщине нечто большее, чем то, что он видел в ней до сих пор, когда он будет смотреть на нее, как на спутницу жизни, равную ему»⁶³.

Новым в нормах брачной жизни был переход к патрилокальному, тесно связанной с образованием малой семьи. Для окраинных районов области Минангкабау переход жены в дом мужа был отмечен еще в конце XIX в. Голландский чиновник Коореман в 1892 г. писал, что в Индрапуре (район к югу от Падангского нагорья) мужчина должен брать жену в свой дом⁶⁴. Эти процессы широко захватили и районы Индрагири (к востоку от Падангского нагорья вплоть до побережья Малаккского пролива)⁶⁵. В конце XIX в. новый порядок можно было наблюдать также в районе Паданга и в некоторых других местах. В 1930-е годы индонезийский чиновник, советник при резиденте провинции Западное побережье Суматры, отмечал, что в прибрежных районах, а также во вновь освоенных районах большая материнско-правовая семья совсем не встречается⁶⁶. Это же происходило в Пайнанае, где уже пары не жили вместе, и в других окраинных районах.

В центре области, на Падангском нагорье, в тех районах, где происходило развитие капиталистических отношений, расслоение крестьянства и связанное с этим разложение пары зашли наиболее далеко, там же резко ускорился процесс образования малых семей. Всякий более или менее зажиточный крестьянин брал жену к себе в дом. Если он не успевал сделать этого сразу, он делал это после нескольких лет супружеской жизни, когда был в состоянии построить для своей семьи отдельный дом.

Несомненно, что ислам с его отцовским правом был хотя и не основной, но достаточно серьезной разрушительной силой для материнско-правовых устоев семейной жизни минангкабау. Духовенство минангкабау, а также хаджи (люди, совершившие хадж в Мекку) жили по нормам отцовского права. Личный пример духовенства и хаджей, усиленная неустанная пропаганда законов ислама о семье, имуществе и браке оказывал свое действие на окружающее население.

Большую роль в переходе к малой семье играли эмигранты. Не только они возвращались на родину с новой семьей, причем очень част

⁶¹ Н. Воитан, Указ. раб., стр. 49.

⁶² Там же, стр. 29—30.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Р. I. Kooreman, Aanteekeningen van den toenmaligen assistent-resident ARB, XI, 1913, стр. 147.

⁶⁵ A. F. Graafland, De verbreiding van het matriarchaat in het landschap Indragiri, «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde...», т. XXXIX, № 1, стр. 44.

⁶⁶ ARB XLI, стр. 392 и сл. Цит. по J. Prins, Указ. раб.

другую нагари, стремясь избавиться от «адат каманакан» — «права племянников», согласно которому имущество отца наследовали не его дети, а дети его сестер. Естественно, что эти семьи жили уже не по нормам адата минангкабау, а по нормам отцовского права. «В настоящее время,— писал Яустра в 1923 г.,— имеются минангкабау, и среди них пользующиеся известностью и уважением в туземном мире, которые либо вернулись на родину с женой, взятой на чужбине, либо родились там от такого брака. Для учреждений материнского права,— добавляет автор,— такие семьи и лица потеряны»⁶⁷.

Те минангкабау, которые вернулись без жены, равным образом стремились избавиться от «права племянников». Если вернувшийся был богат, он выбирал жену и увозил ее, делая при этом богатые подарки семье своей жены, что очень напоминает обычай выкупа за невесту⁶⁸.

Если в экономически развитых районах переход к патрилокальности стал общим правилом (хотя и с многочисленными исключениями), то в районах, находившихся в изоляции, старые правила уходили из жизни с большим трудом. Случается, что, например, в Котоанану, в Солоке и во многих других местах в Лимапулукото женщине оказывает материальную поддержку не муж ее, а брат. Для первого в данном случае достаточно делать каждый год несколько подарков и давать немного денег...»⁶⁹. Здесь в значительно большей степени, чем в других местах, сохранялось «право племянников».

Сохранение здесь большой материнской семьи с ее характерными признаками в значительной степени объясняется тем, что низкое экономическое развитие выталкивало мужское население из нагари. Естественно, что хранительницами всего семейного имущества оставались женщины. Но ушедшие при первой возможности обзаводились собственным хозяйством, причем если им не удавалось сделать это в своей нагари, придерживавшийся старого адата, то они заводили себе семью в другой нагари, где адатные установления соблюдались менее строго и где они имели право поселиться, так как их родственники по суку жили почти в каждой нагари.

Изменения коснулись и свадебной обрядности. По адату, обряд заключения брака происходил в доме невесты, теперь же этот обряд стал совершаться в мечети. Многочисленные запреты в отношениях между мужем и родителями жены либо изменились, либо совсем исчезли.

Одной из ступеней к образованию малой семьи явился переход опекунства над мальчиком от мамака к отцу. Постепенно развилось представление о том, что в обязанности отца входит дать образование сыну. Вошло в обычай, что не родственники со стороны матери, а отец платил за обучение сына в школе⁷⁰.

Распад пары, а затем и джураи, и образование малых семей означали, что традиционные связи между кампуэнгами и суку нарушались, переставали быть регулярными и, наконец, прекращались совсем. Прежде эти связи находили свое выражение в наличии четырех экзогамных родов, связанных предпочтительным браком на дочери брата матери и довольно распространенным обычаем сорората, а также в существовании трех правовых групп: материнскоправовой группы (т. е. группы, к которой принадлежу «я», моя мать и все мои родственники с материнской стороны), группы моего отца, называемой йнду бако, и группы пасумандан, к которой принадлежат жены мужчин данной большой материнской семьи. Теперь место обязательных браков стали занимать браки между представителями самых различных родов и их подразделений. Росло число браков, заключенных по склонности. Социальная

⁶⁷ M. Joustra, Minangkabau, стр. 95.

⁶⁸ M. Radjab, Указ. раб., стр. 261.

⁶⁹ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 117.

⁷⁰ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 116.

организация минангкабау утрачивала свойственные ей черты одностороннего (кольцевого) брака. Генеалогические факторы в браке теряли свое значение. Естественно, что все это подрывало авторитет глав больших материнских семей и родовых старейшин, которые всячески сопротивлялись новым течениям⁷¹.

Накопление собственности в руках отдельных лиц привело к большим изменениям в области наследования. Выше говорилось о закладе наследственного семейного имущества (харто пусако), частью переходившего к дальним родственникам или лицам, вообще не принадлежавшим к данной материнской генеалогической группе. Но особенно большие изменения претерпели законы, управлявшие наследованием лично приобретенной собственности — харто панчариан. Прежде, согласно «праву племянников», право детей на имущество, приобретенное отцом, было крайне ограниченным. Основная часть этого имущества передавалась детям сестер отца, в конечном счете — племянницам (в силу той же матрилинейности), но уже начиная со второй трети XIX в. ряд авторов отмечал, что имущество панчариан или часть его под тем или иным предлогом передается собственным детям. Во второй половине XIX в. этот процесс усилился, а с начала XX в. появились новые правила, регламентировавшие распоряжение лично приобретенным имуществом, в частности и таким, которое было оставлено без завещания.

Первыми нарушителями адата в сфере наследственного права были представители имущих слоев населения: торговцы и, как это ни парадоксально звучит, сами старейшины. Именно в среде имущей верхушки передача имущества панчариан собственным детям стала правилом. Еще в 1895 г. один из голландских авторов писал, что «дарение имеет место главным образом среди малайских торговцев, хаджей и старейшин... короче говоря, среди тех, кто соприкасался с денежной экономикой»⁷².

По мере расслоения общины и пары, по мере выделения зажиточной верхушки все большее число общинников уклонялось от соблюдения старых адатов при передаче лично приобретенного имущества. В окранных районах этот процесс шел интенсивно уже в конце XIX в. Коореман в 1892 г. отмечал, что «здесь семья (паруи. — Ю. М.) не является последним подразделением племени, но вследствие браков с членами других общин распадается на семьи, состоящие из мужа, жены и детей харто панчариан становится собственностью семьи и наследуется детьми»⁷³. В 1920-х годах имущество, заработанное отцом, передавалось его собственным детям уже во многих районах Падангского нагорья. Это оформлялось посредством дара (хибах) или выражения последней воли (умане') завещателя, высказанной на ложе смерти⁷⁴.

Говоря о переходе права наследования от племянников к детям, необходимо сделать небольшое отступление. Следует иметь в виду, что представление о существовавшем прежде у минангкабау всеобъемлющем и исключительном «праве племянников»⁷⁵, при котором дети оставались в полном пренебрежении со стороны своего отца, не совсем правильно. Голландский исследователь Корн пишет по этому поводу: «Мнение о том, что когда-то по адату интересы детей умершего полностью оставались без внимания и что завещание имущества детей (в форме хибах или умане') является отклонением от наследственного права минангкабау, постепенно возникшим под воздействием внеш-

⁷¹ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 117—118; B. Schrieke, Указ. раб. passim; Абдул Муис, Неправильное воспитание (пер. с индонез.), М., 1960.

⁷² B. Schrieke, Указ. раб., стр. 117.

⁷³ Цит. по B. Schrieke, Указ. раб., стр. 119.

⁷⁴ P. Kooreman, Указ. раб., стр. 147.

⁷⁵ M. Joustra, Minangkabau, стр. 114.

⁷⁶ См. соответствующие ссылки: J. Prins, Указ. раб., 44 сл., 114.

них влияний (ислам, развитие малой семьи западного типа),— это мнение оспаривается минанкабау»⁷⁷.

Распределение имущества умершего отца подчинялось определенным правилам. Если дети имели достаточное обеспечение в семье своей матери, они ничего не получали от отца; если же семья матери была бедна, то дети получали большую или меньшую долю имущества отца, иногда все. В последнем случае племянники довольствовались получением какого-нибудь тандо (знак), например, комплекта одежды дяди, что являлось символическим признанием их «права племянников»⁷⁸. Поскольку прежде официально хихах сопровождался сложным церемониалом, то отцы предпочитали делать подарки без особой огласки. Поэтому факты наследования детьми имущества отца оставались почти не известными⁷⁹.

В рассматриваемый нами период законы наследования изменились. Прием зажиточность семьи матери детей уже не принималась во внимание: отцы в любом случае стремились передать свое имущество детям. Широкое распространение по всей Индонезии получил обычай умане'⁸⁰, заключающийся в том, что завещатель на смертном одре по пунктам перечислял свою собственность и оповещал о своей воле. Он подробно знакомил собравшихся с характером передаваемого имущества (унаследованное, приобретенное своим трудом до брака или в браке и т. д.), и производил его распределение среди наследников, стараясь предотвратить несогласие. Имущество, переданное путем умане' или дара, уже не возвращалось в семью матери завещателя, что, естественно, ослабляло паруи и способствовало ее распаду⁸¹.

На Падангском нагорье переход к новым формам наследования сопровождался острой борьбой⁸². Даже там, где в настоящее время дети, как правило, являются наследниками отца, они должны делиться с детьми сестер отца, иногда отдавая им половину наследства. В противном случае племянники могут оспорить дар или последнюю волю умершего. Юридическим основанием для этого служит либо заявление, что на собственность, о которой идет речь, должно распространяться старое адатное право — «право племянников», либо заявление, что данная собственность является частью семейной собственности пусако или была приобретена при помощи этой последней. За каждую долю наследства, которая переходила от племянников к детям, между ними происходила упорная борьба. Схрике сообщает: «...во многих районах стало правилом, что дети сестры не должны помышлять об оспаривании права детей на небольшое (как видим, речь идет пока лишь о небольшом имуществе.— Ю. М.) наследство из собственности, заработанной отцом своим трудом и оставленной детям в качестве дара, кроме трех случаев: первое — в случае открытой вражды, второе — когда

⁷⁷ V. E. Kogin, Указ. раб., стр. 314—315.

⁷⁸ V. E. Kogin, Указ. раб., стр. 315. Напомним в этой связи сообщение Вилкена о том, что имущество панчариан отца наследуется в первую очередь его сыновьями и лишь при отсутствии сыновей — дочерьми. В последнем случае дети сестер также получают часть имущества. Вилкен объясняет это тем, что дочери, при сохранении законов матрилинейного наследования, обеспечены за счет имущества пусако (G. A. Wilken, *Verspreide geschriften*, т. II, Semarang, 1912, стр. 184). С ним соглашается де Йосселин де Йонг (Указ. раб., стр. 57). Оба они не отмечают главного: того, что передача имущества панчариан от отца к сыновьям отражает развитие отцовского права. Фан Фолленхофен в связи с этим высказал следующую мысль: можно говорить о «видеть в вышеописанной щедрости со стороны отца и в ...завещании самим отцом (имущества.— Ю. М.) принцип отцовской системы счета происхождения, который издавна скрещивается с матрилинейной системой» (цит. по кн.: V. E. Kogin, Указ. раб., стр. 314, прим. 3).

⁷⁹ A. Verkerk Pistorius, Указ. раб., стр. 45.

⁸⁰ Малайское уманат, яванское векас (или велинг) и т. д.

⁸¹ G. de Moubray, Указ. раб., стр. 202.

⁸² B. Schrieke, Указ. раб., стр. 156.

наследство очень велико, третье — когда в дело вмешан неопытный юрист»⁸³.

Желая избежать недовольства сородичей, мужчина иногда строит дом для своего сына, который, в силу законов материнского рода, принадлежал к семье матери, но женил его отец на дочери своей сестры. В этой тенденции заключения браков с дочерью сестры отца отчетливо видна растущая роль отцовской пары, т. е. переходной ступени при замене матрилинейности патрилинейностью.

Интересно, что старые законы наследования иногда можно было встретить в развитых районах. Это показывает, насколько сильны были традиционные связи и правила.

Многие зажиточные минангкабау уходили из своей нагари и поселялись в другой, где никто не стал бы претендовать на долю в их имуществе. По этой же причине минангкабау, разбогатевшие в других краях, предпочитали не возвращаться на родину, ограничиваясь высылкой денег своим сородичам, так как они знали, что в родной нагари их окружит толпа родственников, с которыми им придется делиться; если же они не будут щедры, они оскорбят адат и родственные чувства своих близких. Многие из таких новоявленных богачей приезжали на короткий срок продемонстрировать свое богатство, устраивали один или несколько праздников для родственников и уезжали обратно. Очень красочно описаны такие визиты в автобиографической книге Мухаммада Раджаба⁸⁴.

Наступивший в 1929 г. экономический кризис и последовавшие затем годы депрессии, а также деятельность голландцев, которые вернулись к своей политике консервации социально-экономических отношений у народов Индонезии, на время затормозили окончательное исчезновение пережитков материнского рода и замедлили разложение общины. В своей политике консервации пережиточных форм социальной организации голландские власти опирались прежде всего на старейшин, заинтересованных в сохранении больших материнских семей. Борьба против отживших адатов приняла характер политической борьбы. 20-й конгресс партии Сарекат ислам, состоявшийся в мае 1934 г., внес предложение, направленное на постепенную отмену адатного права минангкабау. В предложении говорилось, что адат признает лишь родство по женской линии и поэтому муж и жена не могут иметь семьи (муж лишь посещает жену); что главой семьи является не муж, а мамак-брат матери; что мужчина не имеет возможности осуществлять свои права мужа и отца и что дети не являются его наследниками (они могут лишь получать подарки). Далее в предложении говорилось, что подобные законы находятся в полном противоречии с законами ислам согласно которым муж и жена должны составлять одну семью, муж являться ее главой, а дети — принадлежать обоим супругам. В заключение предлагалось всячески поощрять переход к новым формам семейной организации⁸⁵.

«Союз адата страны Минангкабау» (Сарекат адат алам Минангкабау), объединявший в основном старейшин области, организовал многочисленные собрания протеста, на которых члены союза превозносили старые законы, регулировавшие семейно-брачные отношения, указывая, что с падением адата исчезнет высокое положение женщины, что разрушатся традиционные связи, объединявшие парун, в результате чего ухудшится материальное положение всего населения. Они доказывали, что процессы выделения малой семьи разрушат общество минангкабау⁸⁶. Один из видных представителей «Союза адата». Дату

⁸³ R. Schrieke, Указ. раб., стр. 118.

⁸⁴ M. Radjab, Указ. раб., стр. 261.

⁸⁵ J. Prins, Указ. раб., стр. 46—47.

⁸⁶ Там же, стр. 47.

Туменггунг заявил в Народном совете, что именно в материнскоправовой семье минангкабау находят свое благосостояние⁸⁷.

Все это, разумеется, не могло остановить процесс распада больших материнских семей и не нарушало общей тенденции к образованию малых семей, в которых действовало отцовское право с патрилинейным счетом родства и с передачей имущества от отца к детям. Связь между отцом и детьми крепла, связь с родственниками по материнской линии слабела. «...Любое усилие искусственно принудить... общество (минангкабау.— Ю. М.) идти по старым путям обречено на неудачу с самого начала»,— писал в 1928 г. Схрике⁸⁸.

В 1940—1950-е годы процессы развития семейно-брачного права минангкабау неуклонно шли по тому же пути,— более замедленно в период японской оккупации, быстрее в последовавшие затем годы национально-освободительной борьбы против голландской агрессии. Поэтому неправ Й. Принс, когда он пишет, что за 25 лет—с 1928 по 1953 г.—«...общины в коренных районах минангкабау не обнаруживают никаких значительных изменений в правовой жизни и правосознании своих членов»⁸⁹. Даже в коренных районах наследование по крайней мере половины имущества отца его детьми к 1950-м годам, согласно данным, приводимым де Йосселином де Йонгом, стало твердым правилом⁹⁰. Индонезийский источник 1952 г. отмечает, что связь между отцом и детьми неуклонно растет и становится правилом семейной жизни⁹¹.

Подводя итог рассмотрению развития семейно-брачных отношений у минангкабау Падангского нагорья и окрестных районов, можно сделать следующие выводы.

1. Большая материнская семья (паруи) перестает быть основной социально-экономической единицей общества минангкабау и распадается на малые отцовские семьи.

2. Имущество паруи (харто пусако) в результате закладов и продаж переходит в собственность отдельных лиц, что подрывает экономическую основу существования паруи.

3. Старейшины из управителей и хранителей имущества паруи становятся его единоличными распорядителями, присваивая значительную часть этого имущества.

4. Традиционные нормы экзогамии отмирают, охватывая в настоящее время лишь ближайших родственников, объединенных в паруи, с тенденцией к дальнейшему сокращению круга лиц, связанных правилом экзогамии.

5. Основным типом жилища становится дом для одной малой семьи; адатные дома пустеют и приходят в упадок.

6. Наследниками отца становятся его дети, доля детей сестры в наследовании имущества дяди все более сокращается.

7. Нагари перестает быть эндогамной; женщины получают право покидать свою деревню.

⁸⁷ J. Prins, Указ. раб., стр. 48. См. также «Handelingen v. d. Volksraad», 1936—1937, стр. 168; «Persoverzicht», 1939, XV, стр. 279—280.

⁸⁸ B. Schrieke, Указ. раб., стр. 142.

⁸⁹ J. Prins, Указ. раб., стр. 41.

⁹⁰ P. E. de Josselin de Jong, Указ. раб., стр. 57.

⁹¹ «Nukum», 1952, т. I, стр. 26—30; т. IV, стр. 16—20.